

На правах рукописи

Ли Мэйци

Ли Мэйци

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА КИТАЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО,
КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена на кафедре лингвистики и перевода
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Солопова Ольга Александровна

Официальные оппоненты:

Богоявленская Юлия Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках

Игнатенко Александр Владимирович, кандидат филологических наук, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», доцент кафедры иностранных языков

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Защита состоится «02» февраля 2024 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета 33.2.024.03 на базе ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620091, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 318.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале информационно-интеллектуального центра – научной библиотеки ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» и на сайте Уральского государственного педагогического университета <http://science.uspu.ru>.

Автореферат разослан «08» декабря 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Бабикина Марина Рашитовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию метафорического моделирования образа Китая в современном политическом дискурсе России, Китая и США.

Актуальность исследования. Благодаря политике реформ и открытости во всех сферах жизни общества Китая произошли колоссальные изменения. В настоящее время государство занимает одну из лидирующих позиций в мире, поэтому актуальным и перспективным представляется исследование образа Китая, моделируемого в политическом дискурсе внутри страны и за рубежом.

«В современных условиях СМИ представляют собой полноправный институт политической системы: функционирование политического дискурса напрямую связано с медиадискурсом, который способен задавать общественно-политические настроения, доминирующие интерпретации событий, управлять восприятием образа государства, трансформируя его в нужном ключе в зависимости от идеологических и целевых установок авторов текстов, гражданства и национальной принадлежности аудитории и других факторов» [Ли Мэйци 2021].

Образ государства может оказывать положительное или отрицательное влияние на решения, принимаемые в отношении страны в международном сообществе во многих областях: экономической, политической, культурной и др. Ввиду этого изучение образа страны является актуальным как для продвижения национальных интересов в мировом сообществе, так и для международной и межкультурной коммуникации.

Одним из эффективных способов создания образа государства является политическая метафора, которая позволяет манипулировать адресатом, мотивировать его к нужным действиям и оценкам, корректировать его поведение, мировоззрение и систему ценностей.

В качестве источников материала для анализа политических метафор со сферой-мишенью «Китай» выбраны дискурсы России, Китая и США; выбор обусловлен тем, что эти три крупных государства обладают несомненным авторитетом на мировой арене, их политические позиции достаточно весомы для того, чтобы оказывать значительное влияние на международную обстановку. В силу несовпадения политических целей в дискурсе каждого государства сформирован особый образ Китая, что обусловлено взаимоотношениями между странами: с одной стороны, между Китаем и Россией, которая является его стратегическим партнером, с другой стороны, между Китаем и США, которые выступают его ведущим конкурентом.

В качестве **объекта** исследования выступает метафорический образ Китая в современных политических дискурсах России, Китая и США.

Предметом исследования являются общие черты и специфические особенности метафорического моделирования образа Китая в российском, китайском и американском политическом дискурсе.

Цель исследования состоит в выявлении закономерностей функционирования метафорических словоупотреблений, репрезентирующих образ Китая в современных политических дискурсах России, Китая и США.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Определить теоретическую базу исследования метафорического образа Китая в политическом дискурсе, рассмотреть подходы к исследованию образа государства в политическом дискурсе и к пониманию метафоры в различных направлениях лингвистики; уточнить методику анализа метафорических единиц в политическом дискурсе на материале трех языков.

2. Сформировать и систематизировать массив материала российского, китайского и американского дискурсов; выявить метафоры, задействованные в создании образа Китая, в каждом из дискурсов, создать систему метафорических моделей.

3. Провести количественный и качественный анализ метафор со сферой-мишенью «Китай» в политическом дискурсе каждой страны и в сопоставительном ракурсе, установить общие черты и особенности.

4. Выявить и сопоставить общие метафорические модели, участвующие в создании образа Китая в политическом дискурсе России, Китая и США; проанализировать их структурные, лингвокультурные и дискурсивные особенности, прагматический потенциал.

5. Проанализировать специфичные метафорические модели в каждом анализируемом дискурсе с учетом их структуры, лингвокультурной и дискурсивной специфики, прагматического потенциала.

В качестве **источников материала** исследования использованы влиятельные издания России: «Аргументы и факты», «Известия»; Китая: «Жэньминь жибао» (人民日报) и «Гуанмин жибао» (光明日报); США: «The Washington Post» и «U.S. News». Для формирования исследовательских корпусов методом сплошной выборки извлечены тексты по ключевым словам: «Китай» (Россия), «中国» (Китай), «China» (США), опубликованные с 2018 года по настоящее время. Причина выбора данного периода заключается в том, что торговая война между Китаем и Соединенными Штатами, официально начата администрацией Д. Трампа в 2018 году, в последующие годы стала темой, вызывающей большую озабоченность на международной арене. Торговая война между Китаем и США не только угрожает стабильности мировой экономики и глобальному порядку, но и во многом определяет политические и экономические отношения между Китаем, США и Россией, оказывая огромное влияние на оценку, формирование и тиражирование образа Китая в политическом дискурсе трех стран.

Материалом исследования послужили 171 метафорическая единица на русском языке, 1010 метафор на китайском языке и 458 метафорических единиц на английском языке, извлеченные из равнообъемных выборочных совокупностей (100 текстов на каждом языке).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка анализа метафорического образа Китая на материале трех языков: русского, китайского и английского в сопоставительном ракурсе. Выявлены универсальные метафорические модели, типичные для моделирования образа Китая как в дискурсе самого государства, так и в дискурсах его стратегических партнера и оппонента. Определены уникальные национально-специфические черты в метафорическом представлении образа Китая, типичные для одного / двух дискурсов, обусловленные лингвокультурными и дискурсивными факторами.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что исследование вносит вклад в дальнейшее развитие теории дискурса, политического дискурса, политической метафоры и сопоставительного языкознания. Проведенный анализ позволяет уточнить научные представления об универсальных и специфических закономерностях метафоризации в политическом дискурсе на материале различных языков.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты представляют интерес для широкого круга специалистов в области политической лингвистики. Материалы и результаты исследования могут быть приняты во внимание при проведении дальнейших исследований по теории метафорического моделирования в национальных политических дискурсах, а также использованы в спецкурсах по дискурсу, политической лингвистике, политической метафоре, межкультурной коммуникации, при подготовке словарей политической метафоры.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды российских и зарубежных исследователей, выполненные в русле следующих научных направлений:

– *теория дискурса* (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Т. ван Дейк, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, П. Рикёр, Ю. С. Степанов, М. Фуко, Е. И. Шейгал, Ши Сюй (施旭));

– *политическая лингвистика* (Э. В. Будаев, Т. ван Дейк, Лу Тинтин (卢婷), О. И. Калинин, О. А. Солопова, Сунь Цзишэн (孙吉胜), А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал);

– *теория метафоры* (Н. Д. Арутюнова, Ю. В. Боявленская, Э. В. Будаев, М. Джонсон, А. В. Игнатенко, Дж. Лакофф, Лань Чунь (蓝纯), М. В. Никитин, О. А. Солопова, М. Тернер, Ж. Фоконье, Ху Чжуанлинь (胡壮麟), А. П. Чудинов, Шу Динфан (束定芳)).

В ходе исследования применяются такие **методы** и приемы, как описательный метод, метод метафорического моделирования, лингвокультурологический анализ, когнитивно-дискурсивный анализ, сопоставительный анализ, приемы сплошной выборки и количественных подсчетов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Образ Китая является частотной сферой-мишенью метафорической экспансии в российском, китайском и американском политических дискурсах, что свидетельствует, с одной стороны, о важной роли образа государства в национальном политическом дискурсе Китая, его геополитического партнера (России) и оппонента (США), с другой – о значимости метафоры как средства формирования образа собственной страны и образа другого государства в трех дискурсах.

2. Общие метафорические модели со сферой-мишенью «Китай» в политических дискурсах России, Китая и США представлены метафорами со сферами-источниками «война», «путь», «спорт и игра», «неживая природа», «строительство», «искусство», «болезнь», «педагогика», четыре из них («война», «путь», «спорт и игра», «неживая природа») являются доминантными для каждого дискурса, что доказывает универсальность моделей при метафорическом представлении образа государства.

3. Наличие специфичных сфер-источников в китайском и американском дискурсах: «животный мир», «растительный мир», «механизм», «организм», в китайском дискурсе: «цвет», «родство», «материал», различия в степени метафоричности трех дискурсов обусловлены особенностями национальных языков, лингвокультурными характеристиками, историческими традициями, национальным менталитетом, своеобразием политической культуры и политического поведения носителей языка. В российском политическом дискурсе специфичных моделей не обнаружено: восемь зафиксированных метафорических моделей совпадают с выявленными в китайском и американском дискурсах.

4. При моделировании образа Китая абсолютное большинство метафор в китайском политическом дискурсе создает положительный образ передового, развитого и могущественного государства; в российском политическом дискурсе метафорический образ Китая как стратегического партнера России положителен или нейтрален; в американском политическом дискурсе моделируется отрицательный политический образ Китая как государства, которое провоцирует международные конфликты и кризисы, экономический образ Китая преимущественно положителен.

Достоверность результатов исследования обеспечена объемом проанализированного материала, извлеченного из авторитетных, влиятельных изданий на русском, китайском и английском языках, использованием современных методов изучения метафоры в политическом дискурсе, опорой на классические и современные достижения языкознания.

Апробация работы. Теоретические и методологические аспекты исследования, а также его основные результаты обсуждались на кафедре лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета. Материалы диссертации были представлены автором в докладах на четырнадцать мероприятиях: ежегодной научной конференции аспирантов и докторантов ЮУрГУ (Челябинск, 2021, 2022, 2023), ежегодном научно-методическом семинаре сотрудников ЮУрГУ (Челябинск, 2021, 2022, 2023), ежегодной межвузовской студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы в науке: взгляд молодых» (Челябинск 2021, 2022), X Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Екатеринбург, 2020), XI Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2022), межвузовской студенческой научно-практической конференции «Диалог на геополитическом пространстве Евразии: взгляд молодых» (Челябинск, 2022), ежегодном международном симпозиуме «Государство. Политика. Социум» (Екатеринбург, 2022), XVIII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Язык. Культура. Коммуникация» в рамках «Филологической ассамблеи» (Челябинск, 2023), Международной научной конференции «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки» (Челябинск, 2023).

По теме исследования опубликовано 8 статей в рецензируемых журналах и сборниках научных трудов, из них 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, сформулированы цели и задачи работы, определены методы и объект исследования, представлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приведены положения, выносимые на защиту, и сведения об апробации результатов исследования.

В первой главе «Теоретические основы исследования метафорического образа государства в политическом дискурсе» представлены теоретический обзор зарубежных и отечественных научных работ по теме исследования и различные научные подходы к проблематике исследования: проанализировано содержание понятий политического дискурса в современной лингвистике (п. 1.1); рассмотрен вопрос о моделировании образа государства в рамках различных направлений (п. 1.2); освещены аспекты изучения метафоры и специфика функционирования метафоры в политическом дискурсе (п. 1.3).

Политический дискурс понимается в широком и узком смысле: в узком смысле политический дискурс – это дискурс, ограниченный институциональными формами общения, рассматриваемый как «общение по политическим вопросам в политических институтах между политическими чиновниками в политических целях» [Graber 1981: 196], в широком смысле политический дискурс включает все тексты политического характера: «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал 2004]. Политический дискурс как специфическая разновидность дискурса влияет на движение политических процессов, обслуживает различные виды политической деятельности и представляет собой дискурс участников в формальном или неформальном политическом контексте.

В эпоху глобализации и цифровизации образ государства является одним из факторов, которые играют ключевую роль в эффективном проведении внутренней и внешней политики страны. Именно поэтому вопросы восприятия государства внутри страны и за рубежом занимают важное место в современной науке: изучение взаимосвязи национально-государственной идентичности с образом страны становится одним из ведущих направлений исследований в политологии, международных отношениях, политической лингвистике, дискурс-анализе и смежных дисциплинах.

Образ государства является «знаковой моделью, опосредующей представления о национальной общности через доступные обыденному сознанию понятия и суждения» [Беспалов 2007: 9]. Он часто не отражает реальную действительность и не соответствует объективным показателям национального развития: образ государства базируется «не на фактах, а на мнениях, иллюзиях, на мифологических представлениях о прошлом, на ображаемых представлениях о будущем, способных влиять как на поступки отдельных личностей или социальных групп, так и на модели поведения целых народов» [Boulding 1956].

Моделируемый образ представляет собой сочетание особенностей представлений о своем месте в мире («Я»-образ или «внутренний» образ страны) и специфики восприятия страны другими субъектами международной системы (образ «Другого» или «внешний» образ). Внутренний и внешний образы государства в значительной степени отличаются друг от друга. Формирование внешнего образа в первую очередь связано с особенностями политической, экономической и научно-технической областей развития государства [Martin, Eroglu 1993]. Безусловно, образ государства в значительной степени зависит от категорий совокупной мощи и потенциала государства, однако он не может быть приравнен к реальной ситуации, поскольку всегда конструируется намеренно [Sun Youzhong 2002]. Образ часто играет решающее значение в позиционировании государства

на мировой арене, в регулировании поведения и политики других участников международной системы по отношению к государству, то есть восприятие той или иной страны как на уровне зарубежных политических элит, так и на уровне массового сознания формируется опосредованно, сквозь призму существующего образа.

Одним из аспектов изучения образа Китая является исследование структурно-социальных и символических компонентов, конституирующих образ. К ключевым компонентам, которые оказывают непосредственное влияние на формирование внутреннего и внешнего образов государства, Лю Яньфан относит ресурсный потенциал, политическое устройство, культурную политику, идеологию и национальный дух [Liu Yanfang 2007]. У Юфу считает, что неперемненными составляющими образа государства являются экономика, национальная безопасность, культура, правительство и народ [Wu Youfu 2009]. Чжао Сюэбо в структуре образа государства условно выделяет постоянные величины (такие как географическое положение, народонаселение, история) и переменные величины (такие как форма государственного правления и устройства, развитие экономики, военная мощь, национальная культура и др.) [Zhao Xuebo 2006]. Дин Лей изучает взаимосвязь элементов, составляющих образ государства, их динамику, механизмы формирования и коррекции имиджа государства [Ding Lei 2010].

В фокусе внимания ученых находится также изучение тех факторов, за счет которых происходит изменение образа государства. Образ государства не является статичным, он «пластичен» и обладает как характеристиками относительной стабильности (постоянные величины), так и динамичного развития (переменные величины): эта динамика обусловлена тем, что в каждый исторический период в нем доминируют несколько компонентов, которые в большей степени обуславливают его формирование. Дихроническое исследование, проведенное Чу Нин, показывает, что восприятие Китая и китайцев менялось в западном общественном сознании четырежды только в XX веке [Zhou Ning 2008]: от отрицательного образа к положительному в первую и третью четверти века, и наоборот, от положительного образа к отрицательному во вторую и четвертую четверть столетия. Именно переменные компоненты образа государства определяют тенденции к его мелиорации или негативизации в определенный исторический период.

Положительные и отрицательные образы Китая исследуются учеными в рамках таких тематических блоков, как дипломатия, политика, экономика, военные действия, социальное развитие, культура, природные катастрофы. Положительные стереотипы в восприятии Китая главным образом связаны с устойчивой динамикой экономического развития государства и концепциями китайской традиционной культуры; к основным фак-

торам, формирующим негативные стереотипы восприятия, относят социальные проблемы, включающие социальное обеспечение, медицинское обслуживание, экологическую ситуацию и др.

Поскольку каждый субъект познания отбирает информацию о том или ином объекте в соответствии с собственными целями, приоритетами и установками, образы одного и того же государства, сформированные различными участниками международных отношений, будут разнотипны и часто противоречивы. Это связано с выбранной стратегией формирования образа «другого» государства: а) всестороннее и объективное отражение образа государства; б) одностороннее и частичное отражение образа государства (вызванное в основном недостатком сведений о стране); в) когнитивное искажение образа государства, обусловленное стереотипами сознания, субъективными представлениями, существованием различий в ценностных ориентациях, когнитивными способностями субъекта познания и др.

Исследователи отмечают, что «образ государства поддается целенаправленному формирующему воздействию. Эта возможность описывается с помощью категории “имиджа”, которая предполагает коррекцию образа с помощью ряда процедур и, в первую очередь, выборочного, целевого информирования» [Беспалов 2007: 9]. Понятия образа и имиджа государства не тождественны друг другу; последний является результатом целенаправленной имиджевой политики любого современного государства, сознательно культивирующего положительные элементы своего международного имиджа.

Формирование имиджа государства связано, во-первых, с анализом причин появления негативных стереотипных представлений, что существенно для разработки стратегии, которая позволит нейтрализовать или минимизировать их воздействие [Jin Zhengkun, Xu Qingchao 2010]; во-вторых, с формированием, продвижением и тиражированием положительных образов Китая на международном уровне [Ding Lei 2010], что становится возможным благодаря широкому использованию потенциала традиционных и новых средств массовой информации. Следует особенно подчеркнуть, что деятельность по формированию положительного имиджа любого государства будет эффективной в том случае, если формируемый имидж будет в целом соответствовать существующим тенденциям развития страны.

Изучение вопросов об образе и имидже государства имеет огромное практическое значение, поскольку восприятие страны другими государствами влияет на политику в отношении этой страны и, следовательно, на международные отношения в целом. С одной стороны, государство обладает определенной автономией в определении и продвижении собственного положительного имиджа и представлении внешнему миру репрезен-

тативной информации о системе национальных приоритетов, идей и традиций, являющихся основным источником моделирования его образа другими; с другой стороны, внешний мир формирует субъективные, соответствующие его интересам образы определенной страны и базовые представления о ней.

Огромную роль в формировании образа государства играет метафора – «перенос знаний из одной концептуальной области в другую концептуальную область» [Lakoff, Johnson 1980], когнитивный механизм структурирования восприятия человеком окружающего мира. Политическая метафора позволяет понять политический мир, опираясь на фоновые знания и предшествующий опыт в другой, неполитической сфере, помогая проникнуть в суть политических процессов. С помощью метафоры человеку легче воспринимать абстрактные и сложные объекты политической реальности и модели политического поведения. Политики используют метафору как средство манипулирования общественным мнением для достижения различных политических целей [Rohrer 1995; Schoor 2015], в том числе для формирования образа собственного или «другого» государства.

Во второй главе «Универсальные метафорические модели со сферой-мишенью “Китай” в политическом дискурсе России, Китая и США» приведены системы метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай» в российском, китайском и американском политических дискурсах, проведен анализ универсальных метафорических моделей, репрезентирующих образ Китая, проанализированы их общие черты и особенности в трех дискурсах.

Метафоры, отобранные с помощью сплошной выборки из текстов на трех языках, классифицированы по сферам-источникам метафорической экспансии с использованием метода метафорического моделирования [Чудинов 2020]. Затем материал исследования подвергнут количественной обработке: метафорические модели на материале каждого языка ранжированы по шкале частотности, что позволило создать системы метафорических моделей для политического дискурса России, Китая и США. В таблице представлены системы метафорических моделей, востребованных при формировании образа Китая в российском, китайском и американском политическом дискурсе. Системы метафор включают 15 метафорических моделей в китайском политическом дискурсе (1010 единиц), 12 – в американском (458 единиц), 8 – в российском (171 единица) (табл.).

Таблица

Системы метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай»
в дискурсе России, Китая и США

№ п/п	Метафорическая модель	Количество, %, Россия	Количество, %, Китай	Количество, %, США
1	Милитарная	20,47	21,19	23,36
2	Путь	25,73	19,41	20,09
3	Спортивная и игровая	19,89	7,62	13,32
4	Неживая природа	12,28	12,77	12,23
5	Строительство	9,94	5,64	5,9
6	Искусство	7,02	6,93	6,33
7	Педагогика	2,34	4,26	1,75
8	Болезнь	1,75	1,29	4,59
9	Животный мир	–	1,58	1,75
10	Растительный мир	–	4,26	1,97
11	Механизм	–	2,77	1,97
12	Организм	–	5,74	6,33
13	Родство	–	1,29	–
14	Цвет	–	2,87	–
15	Материал	–	1,88	–
	Другие	0,58	0,49	0,44

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что метафоричность китайского политического дискурса выше, чем дискурса России и США. Высокая степень метафоричности китайского политического дискурса (1010 единиц; 15 моделей) обусловлена стремлением привлечь внимание к образу собственного государства. Общее количество метафорических единиц и разнообразие метафорических моделей может быть также связано с особенностями китайского традиционного мышления и национальной культуры, спецификой языка, имеющего слоговую структуру, иероглифическую и идеографическую систему письма. В российском дискурсе обнаруживается тенденция к более непредвзятой и точной передаче информации о Китае как о дружественном государстве и партнере России на международной арене в нейтральном или положительном ключе (171 единица; 8 моделей). Большее количество метафорических единиц и реализуемых ими моделей в американском дискурсе (по сравнению с российским) (458 единиц; 12 моделей) связано, на наш взгляд, со склонностью американских СМИ представлять факты о Китае как об одном из основных конкурентов США в субъективной авторской интерпретации, в форме оценочного мнения.

При сопоставительном анализе данных выявлено восемь общих моделей для дискурса России, Китая и США, в том числе четыре доминантные

метафорические модели: «войны» (п. 2.3.1), «пути» (п. 2.3.2), «спорта и игры» (п. 2.3.3), «неживой природы» (п. 2.3.4); высокая степень их востребованности обусловлена тем, что сферы-источники данных метафор понятны каждому человеку, это повышает концептуальную значимость метафорического переосмысления в политическом дискурсе и эффективность его воздействия на сознание адресата.

Милитарная метафора, занимающая первое место по шкале частотности в системе метафорических моделей российского, китайского и американского политического дискурса (20,47%, 21,19%, 23,36% соответственно), используется для репрезентации противоборствующих сторон и часто отражает стремление каждой из них одержать победу.

Милитарные метафоры в политическом дискурсе России востребованы для репрезентации международных или внутренних проблем, с которыми сталкиваются Россия и Китай вместе и борются сообща: *Москва и Пекин успешно противостоят международным ограничениям и даже побеждают Вашингтон в санкционной войне* (Аргументы и факты, 30.12.2022). Китай репрезентируется как важный партнер России в различных областях. Россия и Китай – участники международных экономических или торговых соревнований, и только взаимное сотрудничество между странами может принести пользу и в конечном счете помочь одержать победу. Несмотря на то, что в иллюстративном примере Китай и Россия эксплицитно не представлены как союзники, тот факт, что оба государства выигрывают эту войну, достаточен для того, чтобы доказать, что оба государства находятся по одну сторону баррикад и являются партнерами.

В китайском политическом дискурсе использование милитарной метафоры направлено главным образом на воодушевление народных масс и привлечение внимания народа к политическим событиям, а не на обострение конфликтов между странами: *在同病毒短兵相接的白衣战士中，有近一半是90后、00后，他们不怕苦、不畏难，展现出青春风采和民族希望* (Почти половина одетых в белое солдат, сходящихся в рукопашной схватке с вирусом, родилась в 1990-х и 2000-х годах. Они не боятся лишений и трудностей, демонстрируя свою молодость, в них – надежда нации) (Гуанмин жибао, 14.04.2023). В отличие от образов «союзников» или «врагов», образ «солдата» не несет явно выраженных положительных или отрицательных коннотаций. В китайском политическом дискурсе такие метафоры часто используются для репрезентации народа или страны как основной силы в борьбе с эпидемией или в достижении цели государства – построения среднезажиточного общества.

В американском дискурсе метафора «не союзник» употребляется для моделирования образа врага, представляющего угрозу для США: *China has not criticized Russia over its actions Ukraine, and has joined in verbal at-*

tacks on Washington and its allies (Китай не критиковал Россию за ее действия на Украине и присоединился к словесным нападениям на Вашингтон и его союзников) (U.S. News, 24.02.2022). В иллюстративном контексте вербальные конфликты сравниваются с реальными войнами, в которых существуют враги и союзники, причем автор полагает, что Китай и Россия не являются союзниками Вашингтона. В американском политическом дискурсе метафоры войны регулярно применяются для создания атмосферы антагонизма и напряженности и призывают адресата к активной борьбе.

Второй по частотности моделью, в рамках которой моделируется образ Китая в российском (19,89%), китайском (7,62%) и американском (13,32%) политическом дискурсе, является **метафора спорта и игры**. При репрезентации политической действительности использование метафор, относящихся к модели «спорт и игра», делает сообщение менее резким и агрессивным по сравнению с использованием метафор военной модели: *«Поэтому европейцы столкнутся с необходимостью, если они хотят купить какие-то объемы СПГ, платить больше, чем платят в Китае. Китай тоже будет включаться в эту гонку и тоже повышать цены, чтобы газ приходил именно к нему», – рассказал Юшков* (Известия, 18.04.2023). Международная экономика и торговля рассматриваются как гонка, конкуренция, в которой каждый участник пытается пересечь финишную черту первым. Китай является сильным конкурентом для других стран: чтобы победить в конкурсе, он старается повысить собственную конкурентоспособность различными способами.

В китайском политическом дискурсе одной из самых востребованных сфер-источников с явно выраженной лингвокультурной составляющей является «игра Го»: *全面建成小康社会收官之际，一盘更大的棋局正在序盘* (Окончательное построение среднезажиточного общества находится на финальном этапе (термин в игре в го), другая, более крупная партия, уже начинается) (Гуанмин жибао, 19.03.2021). Игру го (收官 – термин в игре го) можно рассматривать как один из ключевых факторов, определяющих философию и мировоззрение человека Востока, что может объяснять востребованность таких метафор в дискурсе КНР. «Го – игра затяжной “кампании”; в этой игре важен каждый ход – каждый пункт в политической программе развития государства и каждое действие, направленное на его реализацию» [Ли Мэйци 2021].

В американском дискурсе распространены метафоры со сферой-источником «игра в шахматы», сферой-мишенью которых выступает внешнеполитическая деятельность Китая: *Part of the thinking behind CCP's chess moves lie not just in a big-picture, long-term strategy but in the way that each move serves multiple purposes* (Часть мышления, лежащего в основе шахматных ходов КПК, заключается не только в общей долгосрочной стратегии, но и в том, что каждый ход служит сразу нескольким целям) (U.S. News,

29.09.2021). В иллюстративном примере, с одной стороны, осуществляется категоризация Китая как конкурента США и источника потенциальной угрозы для стран Запада. В этом случае метафора шахматной игры используется с целью формирования у представителей западного общества негативного или подозрительного отношения к действиям Китая в мировой политике. С другой стороны, победа в шахматной партии, как правило, зависит от искусного манипулирования фигурами на доске, один неосторожный ход может погубить всю партию. Китай представлен как осторожный и осмотрительный конкурент, с которым США трудно совладать на мировой арене.

Следующая универсальная для трех дискурсов модель, используемая при репрезентации образа Китая, представлена **метафорой пути** (25,73% в российском дискурсе, 19,41% в китайском дискурсе, 20,09% в американском дискурсе). В политическом дискурсе России и Китая единицы модели, как правило, продуцируют положительно нагруженные образы, связанные с идеей национального возрождения: *Китай вступает на **новый путь** строительства современного социалистического государства* (Известия, 23.10.2022). В иллюстративном примере процесс государственного строительства в Китае представлен как целенаправленное поступательное движение вперед.

Стоит отметить, что в китайском политическом дискурсе страна движется по пути развития как в горизонтальной, так и вертикальной плоскости. Одними из наиболее распространенных способов моделирования «вертикального» пути развития являются метафоры «горной дороги» и «движения вверх»: *新时代的航天工作者要以老一代航天人为榜样, 大力弘扬“两弹一星”精神, 敢于战胜一切艰难险阻, 勇于攀登航天科技高峰* (*Аэрокосмические работники новой эпохи должны следовать примеру космонавтов старого поколения, стремиться всеми силами возвышать дух «Две бомбы, один спутник», осмеливаться преодолевать все трудности и препятствия, и подняться на вершину аэрокосмической науки и техники*) (Жэньминь жибао, 25.04.2020). В китайском политическом дискурсе при концептуализации достижений страны в науке, технике, искусстве и других областях широко используется метафора горной дороги: пункт назначения находится на вершине горы; горная дорога извилистая, в процессе продвижения к вершине каждый маленький шаг вперед, каждое восхождение и достижение новой высоты – это успех, достойный празднования.

В политическом дискурсе США метафора пути редко используется для представления процессов национального или социального развития, наиболее часто она репрезентирует отношения между странами: *He called for the two countries (China and America) to put their “relations back on the right track” as soon as possible and agreed to more “in-depth” conversations and regular contact* (*Он призвал две страны (Китай и Америку) как можно скорее вернуть свои «отношения в правильное русло» и согласился на*

более «углубленные» беседы и регулярные контакты) (The Washington Post, 09.09.2021). Поскольку конечные цели Китая не совпадают со стремлениями США или наносят ущерб интересам последних, использование метафоры пути формирует негативный образ Китая: с точки зрения США, путь, по которому идет Китай, является неверным, поэтому необходимо как можно скорее изменить направление, встать на правильные рельсы и двигаться к цели, которая удовлетворит обе стороны.

В рамках метафорической модели **неживой природы** (12,28% в российском дискурсе, 12,77% в китайском дискурсе, 12,23% в американском дискурсе) при формировании образа Китая наиболее распространенными сферами-источниками являются природные стихии «огня» и «воды»: *Стороны также отметили, что для решения конфликта на Украине необходимо предотвратить блоковое противостояние и **разжигание** конфликта. Москва и Пекин призвали избежать перехода украинского кризиса в неконтролируемую фазу* (Аргументы и факты, 22.03.2023). В приведенном контексте конфликт между Россией и Украиной представляется пламенем, которое может не только поставить под угрозу интересы Китая и России, но и повлиять на другие страны.

В современном китайском политическом дискурсе широко используется гидронимная метафора для обозначения политического курса государства, деятельности правительства и лидера: *面对突如其来的新冠肺炎疫情, 无数人将涓滴之力汇聚成磅礴伟力, 取得了抗疫斗争重大战略成果 (Перед лицом внезапной пандемии коронавируса **мелкие капли сил бесчисленного множества людей собираются (стекаются) в могучую великую силу** и добиваются крупных стратегических результатов в борьбе с эпидемией)* (Жэньминь жибао, 03.01.2021). «Силы всего народа собираются, как капли воды, и становятся великой рекой, неисчерпаемым и мощным источником энергии, позволяющим противостоять болезням и поддерживать жизнь на планете» [Ли Мэйци 2021]. В иллюстративном примере гидронимная метафора репрезентирует Китай как единую, сплоченную и сильную страну, способную преодолеть любые трудности. При формировании образа государства в китайском политическом дискурсе гидронимные метафоры в абсолютном большинстве моделируют положительно нагруженные образы.

В дискурсе США прагматический потенциал метафоры воды аналогичен потенциалу метафоры огня: как правило, она несет смыслы опасности и трудностей: *She also compared the new **wave of protests to the Tiananmen Square demonstrations**, adding: “What gives me hope this time is it differentiates from 33 years ago, where previously it was only demands made from students, but now it’s demands from people from all walks of life, including farmers, who felt their lives being crushed”* (Она также сравнила новую **волну протестов с демонстрациями** на площади Тяньаньмэнь, добавив: «Что дает мне

надежду на этот раз, так это то, что она отличается от того, что было 33 года назад, раньше это были требования только студентов, теперь это требования людей из всех слоев общества, включая фермеров, которые почувствовали, что разрушаются жизни») (The Washington Post, 28.11.2022). В иллюстративном контексте воля народа метафорически представляется как волна: энергия неконтролируемого гнева создает кризисную ситуацию для китайского правительства. Использование метафоры воды продуцирует смыслы стихийности и нестабильности внутриполитического устройства Китая, создавая негативный образ государства.

К числу общих менее частотных сфер-источников относятся следующие: «строительство» (п. 2.3.5), «искусство» (п. 2.3.6), «педагогика» (п. 2.3.7), «болезнь» (п. 2.3.8).

Проиллюстрируем особенности реализации менее частотных метафорических моделей на примере метафоры со сферой-источником **«искусство»** (7,02% в российском дискурсе, 6,93% в китайском дискурсе, 6,33% в американском дискурсе): *По словам президента России, координация Москвы и Пекина на международной арене служит формированию справедливого, основанного на международном праве миропорядка* (Аргументы и факты, 30.12.2022). В контексте выражена идея о том, что каждая страна в мировой политике является и зрителем, и исполнителем на сцене (арене). Каждое политическое действие Китая и России может повлиять на действия других участников и «успех» выступления.

«В китайском политическом дискурсе метафоры искусства востребованные в контексте профилактики и контроля эпидемии COVID-19, реализуют положительный потенциал при формировании образа Китая: *我们众志成城、坚忍不拔书写了抗疫史诗* (Мы твердо и единодушно пишем эпос о борьбе с эпидемией) (Жэньминь жибао, 01.01.2021). В контексте борьбы с пандемией активно используются метафоры эпоса. Это связано с тем, что, как и в повествованиях эпических произведений, инфекционные заболевания влияют на судьбы разных персонажей (народов), в «эпосе» пандемии переплетаются несколько «сюжетных линий», события «разворачиваются» одновременно на территории нескольких государств; «для пандемии характерен масштабный охват территорий, как и в случае художественного пространства эпоса» [Ли Мэйци 2021].

В дискурсе США Китай обычно представлен как автор драмы, другие государства, участвующие в событиях, – как действующие лица этой драмы, планы Китая – как развязка произведения, а события, описываемые в контексте, – как сюжетная линия или отдельные сцены драмы: *Intimidation is part of Beijing's playbook of transnational law enforcement that has raised alarm in Europe* (Запугивание является частью сценария Пекина в области транснациональных правоохранительных органов, которая вызвала тревогу в Европе) (The Washington Post, 29.04.2022). Автор считает,

что развязка может оказаться не такой, на которую надеются другие страны: Китай рассматривается как эгоистичная страна, игнорирующая мнения других государств и совершающая неправомерные действия для достижения собственных целей.

В третьей главе «Национальная специфика метафор со сферой-мишенью “Китай” в китайском и американском политическом дискурсе» проанализированы функционирующие в современном политическом дискурсе Китая и США специфичные метафоры, моделирующие образ Китая. В российском дискурсе таких моделей не выявлено.

В исследовании зафиксированы четыре специфичные модели, общие для дискурса Китая и США, со сферами-источниками: «животный мир» (п. 3.1), «растительный мир» (п. 3.2), «механизм» (п. 3.3), «организм» (п. 3.4), а также три специфичные модели для дискурса Китая: «родство» (п. 3.5), «цвет» (п. 3.6), «материал» (п. 3.7).

В политическом дискурсе Китая **метафоры животного мира** (1,58%) связаны с характеристиками, приписываемыми тому или иному животному в национальной культуре: хищники воплощают трудности, с которыми сталкивается Китай; образы стадных животных репрезентируют лидерство китайского правительства или отдельного человека; дракон означает удачу и процветание и обычно символизирует Китай: *中华民族虽历经磨难却总能凤凰涅槃般浴火重生，根本原因就在于自强不息的文化基因。中国是世界上最大的发展中国家，非洲是发展中国家最集中的大陆。当“中国龙”与“非洲狮”携手共舞，中非合作共赢，无疑将汇聚起 26 亿人的智慧与力量，共同迈向更加美好的未来 (Китай – крупнейшая развивающаяся страна в мире, а Африка – континент с самой высокой концентрацией развивающихся стран. Когда «китайский дракон» и «африканский лев» возьмутся за руки и станцуют вместе, взаимовыгодное сотрудничество между Китаем и Африкой, несомненно, обретет мудрость и силу 2,6 миллиардов человек, которые будут совместно идти в лучшее будущее)* (Гуанмин жибао, 21.06.2019).

В политическом дискурсе США образ Китая формируется путем описания его поведения, связанного с животными (1,75%): *“Clearly the PRC is trying to coerce Taiwan, clearly they’re trying to coerce the international community and all I’ll say is we’re not going to take the bait and it’s not going to work,” Kahl said («Очевидно, что КНР пытается принудить Тайвань, очевидно, что они пытаются принудить международное сообщество, и все, что я скажу, это то, что мы не собираемся заглатывать наживку, и это не работает», – сказал Каль)* (U.S. News, 08.08.2022). Выражение «заглотить наживку» имеет общеизвестное переносное значение обмана: объекту предлагается нечто привлекательное, соблазнительное для него (материальные блага или психологический комфорт) с целью получения контроля над ним и использования для достижения собственных целей.

В примере Китая рассматривается как рыбака, а Соединенные Штаты – как рыба. Китай, таким образом, характеризуется как хитрая страна со скрытыми мотивами, каждый шаг ее политического поведения направлен на достижение определенной цели – получение собственной выгоды. В данном примере подразумевается, что приманка, заброшенная Китаем, может оказаться ловушкой, которая в будущем нанесет вред Соединенным Штатам.

В дискурсе Китая и США зафиксированы **метафоры со сферой-источником «Флора»** (4,26% и 1,97% соответственно): *马克思主义在中国化时代化进程中, 不断生根发芽、实现理论飞跃 (Марксизм непрерывно пускает корни, в процессе китаизации и модернизации Китая появляются новые всходы, совершаются теоретические скачки)* (Жэньминь жибао, 21.06.2023). Метафора раскрывает идею взаимосвязи и взаимодействия человека, общества и природы. В примере государство рассматривается как почва, а теории и идеи, способствующие его развитию, – как семена, которые пускают корни и из которых пробиваются ростки развития. «Фитоморфная метафора репрезентирует прогрессивное развитие государства, эволюцию общественно-политической формации – социализма с китайской спецификой новой эпохи» [Ли Мэйци 2021].

В американском дискурсе образ Китая, моделируемый в рамках фитоморфных метафор (1,97%), зависит от освещаемой темы: в материалах о политике и дипломатии в подавляющем большинстве случаев создается отрицательный образ Китая, а в публикациях на темы экономики, техники и бизнеса – нейтральный или положительный образ сильной и процветающей страны, экономического партнера, способного поддержать другие страны путем эффективного сотрудничества: *China's government has set this year's economic growth target at "around 5%" as it tries to rebuild business activity following the end of anti-virus controls that kept millions of people at home (Правительство Китая установило целевой показатель экономического роста на этот год на уровне «около 5%», поскольку оно пытается восстановить деловую активность после прекращения анти-вирусного контроля, который удерживал миллионы людей дома)* (U. S. News, 04.03.2023). Китайская экономика рассматривается как растение, которое при правильном уходе постепенно расцветает, что формирует положительный образ Китая, подчеркивает динамичные процессы в его экономике, повышающие ее эффективность.

Метафоры механизма составили 2,77% в дискурсе Китая: *累计开行突破 3.1 万列、通达 21 个欧洲国家的 92 个城市, 中欧班列已成为名副其实的国际贸易大动脉, 为小康中国增添新动能 (Благодаря тому, что в общей сложности курсирует более 31000 поездов, которые достигают 92 городов в 21 европейской стране, поезд China Europe стал настоящей международной торговой артерией, придав новый импульс умеренно процветающему Китаю)* (Гуанмин жибао, 04.01.2021). В примере Китай

рассматривается как экспресс, движущийся по рельсам к выбранному пункту назначения, дополнительный импульс способствует более быстрому достижению обществом поставленных целей.

В политическом дискурсе США механистические метафоры (1,97%) создают образ Китая как неисправной машины: *Though the current U.S. administration policies focus on overtures to Beijing, President Joe Biden fueled Chinese paranoia of U.S. support for formal Taiwanese independence during remarks he made during a high-profile video summit with Chinese President Xi Jinping on Monday* (Хотя нынешняя политика администрации США сосредоточена на сближении с Пекином, президент Джо Байден **подбросил дров** для китайской паранойи по поводу поддержки США формальной независимости Тайваня в замечаниях, которые он сделал во время громкого видеосаммита с президентом Китая Си Цзиньпином в понедельник) (U. S. News, 17.11.2021). Использование в контексте морбиальной метафоры «Chinese paranoia» показывает, что Китай – неисправная и опасная машина, политика США «добавляет топливо» в эту опасную машину, что может привести к нежелательным последствиям: машина лишится управления.

Специфичной для двух дискурсов является также **метафора организма** (5,74% в дискурсе Китая, 6,33% в дискурсе США): *亿万人民的主心骨凝聚起上下齐心、共克时艰的磅礴力量* (**Костяк миллионов людей** (Генеральный секретарь Си Цзиньпин) собрал мощную силу, совместными усилиями преодолел временные трудности) (Жэньминь жибао, 04.01.2021). В приведенном примере при описании национальной и международной деятельности метафора «костяк» используется для акцентирования важности и значимости руководства в жизни страны. Использование метафоры организма в китайском политическом дискурсе, с одной стороны, привлекает внимание аудитории к описываемым событиям; с другой стороны, оно подчеркивает взаимосвязь, взаимозависимость и взаимовлияние всех членов обширного и сложного организма Китая как основополагающих факторов для успешного развития страны.

В американских СМИ китайское государство сопоставляется с человеческим телом как со сложной системой: *The rise of China was arguably the biggest economic story of the 2000s. And a huge part of that tale was China's seemingly **insatiable appetite** for natural resources around the world* (Подъем Китая, пожалуй, был крупнейшей экономической историей 2000-х годов. И огромной частью этой истории был кажущийся **ненасытным аппетитом** Китая к природным ресурсам по всему миру) (The Washington Post, 13.02.2014). Прием пищи является необходимым действием для выживания человека, однако переизбыток может нанести значительный вред организму. В контексте Китай представлен как страна, которая заботится только о сиюминутных интересах и выгоде, не думая о последствиях. «Ненасытный аппетит» является синонимом жадности, он склонен только

увеличиваться со временем, причем даже при осознании проблемы сложно быстро сократить объемы потребления, и природе будет нанесен непоправимый урон.

Три специфичные сферы-источника, характерные для дискурса Китая: «цвет» (2,87%), «родство» (1,29%), «материал» (1,88%), – тесно связаны с национальной культурой и репрезентируют традиционные культурные символы: *实现祖国完全统一是全体中华儿女的共同愿望，民族复兴的题中之义* (*Полное воссоединение Родины является общим желанием всех китайских дочерей и сыновей и сутью национального возрождения*) (Гуанмин жибао, 07.04.2023). Коллективизм традиционен для Китая, поэтому метафорическая модель родства часто выступает в качестве концептуальной метафоры в китайском политическом дискурсе. Ее использование согласуется с политической концепцией Китая: «56 个民族是一家» (56 национальностей образуют одну семью). **Метафоры родства** подчеркивают гармонию, которая царит в семье-Китае, и дружбу, которой связаны все китайские граждане: *阿中双方始终是好朋友、好伙伴、好兄弟* (*Аравия и Китай хорошие друзья, хорошие партнеры и хорошие братья*) (Гуанмин жибао, 11.12.2022). В метафорах родства государства репрезентируются как кровные родственники, что наглядно сокращает дистанцию между ними, подчеркивает братские узы, взаимную поддержку и доверие. Метафора родства способствует формированию положительного образа Китая, который ценит дружбу и взаимную ответственность.

Метафора со сферой-источником «цвет» относится к культурно-специфичной лексике, что связано с разнообразием условий жизни народов, с историей, обычаями, традициями, которые обуславливают различное восприятие и понимание цвета. Обращает внимание, что частотность употребления метафор данной сферы-источника не одинакова: подавляющее большинство единиц связано с красным цветом. Причина может заключаться в том, что в китайской культуре красный цвет имеет много символических значений, которые в основном транслируют положительные смыслы: *从全国两会看中国，我们有信心把“开门红”扩展为“全年红”，在新征程上赢得更大荣光* (*Глядя на Китай с точки зрения Всекитайского собрания народных представителей и Всекитайского съезда народных представителей, мы уверены, что усилим «красный цвет после открытия дверей»* (в знач.: хорошее начало) *до «красного цвета в течение всего года»* (в знач.: весь год отмечен успехами) *и завоеваем еще большую славу на новом пути*) (Жэньминь жибао, 07.03.2023). Традиционно в китайской культуре красный цвет символизирует удачу и радость; эти смыслы широко эксплуатируются для создания положительного образа Китая.

Еще одной специфичной для китайского политического дискурса является **метафора со сферой-источником «материал»**. Наиболее ча-

стотны метафорические образы, связанные со свойствами таких материалов, как камень, металл, кость, которые характеризуются твердостью и долговечностью: *共产党人凭着内心不变的坚守和纯粹的信念, 铸成了钢铁般的精神和意志, 最终夺取抗日战争伟大胜利* (Коммунисты твердо придерживались чистых убеждений в душе, проявили **стальной дух** и волю и одержали великую победу в войне с Японией) (Гуанмин жибао, 03.03.2021). Метафора транслирует смыслы твердости и прочности и используется для метафорического представления духа, воли и веры китайского народа.

В политическом дискурсе метафоры выполняют функции фокусирования внимания на существующей проблеме; мотивирования адресата к нужным действиям; оказания эмоционального воздействия; трансформации существующей в сознании человека политической картины мира; формирования мировоззрения адресата и его системы ценностей. Оценочное значение метафоры в большой степени зависит от эмоционального состояния, политического отношения, политической цели и политического статуса субъекта оценки, которые, как правило, определяются в конкретной речевой ситуации, обусловлены культурным фоном и дискурсивными факторами.

Проанализированные данные показывают, что образ Китая представлен двумя типами: «Я»-образ, который предполагает всестороннюю оценку, познание и признание государства его правительством и гражданами, и образ «Другого», отражающий имидж страны на международной арене, ее восприятие союзниками и соперниками. Различия между «своим» и «чужим» образами детерминированы такими факторами, как ценности, отношения союзничества и соперничества, стратегические цели участников геополитического диалога, наличие общих или пересекающихся геополитических интересов и др.

В заключении подводятся основные итоги проделанной работы, в обобщенном виде излагаются практические результаты изучения рассмотренных проблем, намечаются перспективы дальнейшего изучения объекта исследования и углубления проблемы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МНиВО РФ:

1. Ли, Мэйци. Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе / М. Ли, О. А. Солопова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 98–105 (0,9 п.л. / 0,6 п.л.).

2. Ли, Мэйци. Гидронимные метафоры в современном китайском политическом дискурсе. Когнитивные исследования языка / М. Ли. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4 (55). – С. 135–138 (0,2 п.л.).

3. Ли, Мэйци. Механизмы и стратегии моделирования образа государства / О. А. Солопова, М. Ли. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4 (55). – С. 152–155 (0,3 п.л. / 0,2 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Ли, Мэйци. Китай как сфера-мишень метафорической экспансии в современном китайском политическом дискурсе / М. Ли, О. А. Солопова. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – № 1. – С. 21–34 (0,8 п.л. / 0,5 п.л.).

5. Ли, Мэйци. Политическая метафора: подходы к исследованию / М. Ли. – Текст : непосредственный // STUDIUM JUVENIS : межвузовский сборник трудов молодых ученых. Вып. 13 / отв. ред. Н. Н. Кошкарлова ; Библиотека А. Миллера. – Челябинск, 2021. – С. 30–35 (0,3 п.л.).

6. Li, Meiqi. China as a target domain of metaphors in Chinese media discourse / M. Li. – Текст : непосредственный // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы XI Междунар. науч. конф. (Челябинск, 7–9 апреля 2022 г.) : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Л. А. Нефедова ; Изд-во Челяб. гос. ун-та. – Челябинск, 2022. – С. 97–103 (0,3 п.л.).

7. Ли, Мэйци. Исследование образа государства в политическом дискурсе / М. Ли. – Текст : непосредственный // STUDIUM JUVENIS : межвузовский сборник трудов молодых ученых. Вып. 14 / науч. ред. О. Н. Кондратьева ; отв. ред. Н. Н. Кошкарлова ; Библиотека А. Миллера. – Челябинск, 2022. – С. 156–160 (0,2 п.л.).

8. Ли, Мэйци. Изучение образа государства в Китае / М. Ли. – Текст : непосредственный // Государство. Политика. Социум : материалы всероссийского симпозиума по комплексному развитию территорий (Екатеринбург, 23–25 ноября 2022 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / науч. ред. Е. В. Попов, Т. Е. Зерчанинова ; Урал. ин-т упр-я, филиал РАНХиГС. – Екатеринбург, 2023. – С. 195–198 (0,2 п.л.).

Подписано в печать 01.12.2023. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 100. Заказ 5462.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620091 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.ru